

Тактическое партнерство или союз великих держав?

Фактически никакой “китайской политики Путина” как самостоятельного явления не существует. Отношения с Китаем сохраняют высокий уровень преемственности — они не слишком изменились на протяжении всех трех президентских сроков Владимира Путина и президентства Дмитрия Медведева. Более того, сегодняшняя политика в отношении Китая мало отличается от той, что проводилась во время президентства Бориса Ельцина и в последние годы существования СССР (полная нормализация советско-китайских отношений была достигнута в 1989 году, и тогда же началось их быстрое развитие): именно тогда были сформулированы основные принципы политики по отношению к Китаю, а творцами этой политики и сегодня являются опытные советские дипломаты-китаеведы, участвовавшие еще в усилиях по нормализации отношений в 1980-е.

Основные принципы российской политики на китайском направлении были изложены в декларации о российско-китайском стратегическом партнерстве, подписанной Ельциным и председателем КНР Цзян Цзэмином в 1996 году. Единственный частичный отход от них был предпринят Россией в начале первого срока Путина на фоне короткого “медового месяца” в отношениях России и США после терактов 11 сентября 2001 года, но это отступление осталось изолированным эпизодом в истории отношений.

Прослойка профессиональных сиологов в МИД, министерстве обороны и других

российских государственных структурах сохраняла с советских времен впечатляющую кадровую стабильность и весьма высокий профессиональный уровень. В то же время профильные учреждения российской Академии наук, которая в свое время играла существенную роль в выработке внешнеполитического курса, и, в меньшей степени, отделения международных отношений в российских университетах в 1990-е и начале 2000-х из-за тяжелой экономической ситуации потеряли большинство молодых специалистов и не могли продолжать изучение современного Китая на должном уровне.

В результате основные дискуссии и выработка политики на китайском направлении практически полностью сосредоточены внутри российского государственного аппарата, а обсуждение проблем российско-китайских отношений в СМИ и в профессиональных кругах происходит в параллельных реальностях, отчего попытки внешних наблюдателей анализировать состояние этих отношений на основе публикаций в российской прессе нередко приводят к неудовлетворительным результатам.

Среди российских приоритетов по отношению к Китаю можно выделить три важнейших, которые сохраняются в неизменном виде по крайней мере с середины 1990-х:

■ партнерство с Китаем в интересах укрепления позиции Москвы в мировой политике (координация позиций по глобальной повестке, противостояние западному давлению и т. п.); в последнее время на фоне украинско-

го кризиса эта мотивация усилилась;

■ развитие отношений с Китаем как с перспективным экономическим партнером, необходимым для развития Сибири и Дальнего Востока;

■ укрепление отношений взаимного доверия и взаимной зависимости с Китаем с целью обеспечения национальной безопасности на долгосрочную перспективу.

Экономические отношения Москвы и Пекина

Анализируя текущее состояние экономических отношений Москвы и Пекина, важно учитывать крайне низкое качество доступных статистических данных — как с китайской, так и с российской стороны. Прежде всего это касается прямых инвестиций Китая в Россию и России в Китай. В силу особенностей государственного регулирования в двух странах основной объем инвестиций проходит через разного рода офшорные юрисдикции и страны-посредники. Например, в 2015 году 73,4% полученных КНР прямых иностранных инвестиций пришли из Гонконга¹. В то же время основными направлениями прямых инвестиций из Китая (без учета финансового сектора) были тот же Гонконг, Каймановы острова, США, Сингапур, Виргинские острова, Нидерланды². По состоянию на начало 2016 года по объему накопленных прямых инвестиций в Россию лидировали Кипр, Ирландия, Люксембург, Нидерланды, Багамские и Бермудские острова³. В реальности в этих цифрах скрываются как российские деньги, выведенные за рубеж и возвращающиеся назад в страну, так и инвестиции из ряда иностранных государств, включая Китай.

В этих условиях использование, например, официальных российских данных о китайских инвестициях (\$571 млн в 2015 году при \$1,7 млрд накопленных инвестиций к началу 2016 года) заведомо вводит в заблуждение, хотя в материалах СМИ и даже в научных статьях, посвященных российско-китайским отношениям, регулярно встречаются именно эти цифры. Китайская официальная статистика несколько более полная — более

\$8 млрд накопленных инвестиций в Россию в 2014 году — но и ее качество остается низким. Информации по такому важнейшему аспекту российско-китайских отношений весьма мало даже у правительств обеих стран. Чиновник одного из российских экономических ведомств сообщил мне в личной беседе в июле 2016 года о некоей попытке подсчета, предпринятой китайцами, из которой следует, что объем китайских инвестиций в Россию составляет \$32–33 млрд только по тем проектам, которые китайскому правительству удалось идентифицировать. Если эта оценка верна, то Китай принадлежит к числу крупных инвесторов в российскую экономику. Это побудило российское правительство предпринять аналогичные исследования со своей стороны, но на момент написания этой статьи они далеки от завершения.

Что касается российских инвестиций в Китай, то тут нет даже грубых подсчетов. Статистика российского Центробанка называет, например, неправдоподобно низкую сумму в \$174 млн, а китайская статистика ранее называла цифры в \$910 млн на конец 2014 — начало 2015 года. Между тем имеющиеся разрозненные свидетельства говорят о том, что, например, приобретение российскими компаниями в КНР промышленных предприятий, производящих продукцию для российского рынка, а иногда и для рынков третьих стран, носит далеко не единичный характер. Помимо небольшого катодного завода в Китае, приобретенного еще в 2006 году компанией РУСАЛ, два завода в КНР имеет российский производитель электроинструментов “Интерскол”⁴, предприятиями в Китае располагает также производитель одежды Gloria Jeans⁵. Осуществляются инвестиции и в другие сферы деятельности: например, в 2010 году бывший российский сенатор Глеб Фетисов стал совладельцем китайской розничной сети NCSN, вложив в сделку \$40 млн. В 2013-м сервисный центр для вертолетов в китайском городе Циндао построил холдинг “Вертолеты России”. Кроме того, инвестициями в китайские ценные бумаги занимается ряд крупных российских бизнесменов (известно о вложениях Алишера Усманова в Alibaba и JD.com, точный размер которых не раскрыва-

ется). Таким образом, действительный объем вовлеченности российского бизнеса в китайскую экономику может оказаться неожиданно значительным.

Во всяком случае, можно с полной уверенностью утверждать, что Китай уже сейчас является важным инвестором в Россию, а в дальнейшем его значение в качестве источника инвестиций будет только нарастать.

Что касается двусторонней торговли, отследить ее несколько проще и картина здесь более ясная. Китай наращивает свою долю в российской торговле с конца 1990-х. За это время его доля увеличилась с примерно 4% до 12,5% в 2015 году. Даже на фоне обвального падения оборотов внешней торговли в 2015 году⁶, вызванного удешевлением нефти, удельный вес Китая среди прочих торговых партнеров России продолжал расти, а доля Евросоюза снижалась. По итогам 2015 года Китай являлся вторым после Евросоюза торговым партнером России с оборотом торговли в \$68 млрд (товарооборот с ЕС составил около \$230 млрд). После спада в 2015 году в первом полугодии 2016-го торговля постепенно восстанавливает рост. Как следует из данных российской таможенной службы, по итогам января-мая 2016 года доля Китая в российской торговле товарами увеличилась и составила 13,4% против 43,9% у ЕС. Наряду с Китаем свой удельный вес во внешней торговле России наращивают и другие страны АТЭС, включая США и Японию.

Таким образом, процесс переориентации российской экономики на Азиатско-Тихоокеанский регион идет. Эти изменения происходят постепенно и имеют мало общего с “поворотом на Восток”, о котором до определенного момента твердила российская государственная пропаганда (уже в 2015 году на официальном уровне от использования этого термина практически отказались). Для того чтобы доли стран АТЭС (среди которых главную роль в российской экономике играет Китай) и Евросоюза уравнились, вероятно, понадобятся десятилетия, но этот процесс будет сопровождаться глубокими изменениями в экономической географии, политике и культуре России, которые, видимо, приведут к изменению лица страны раньше — уже в

2030–40-е годы. Если говорить в перспективе 2018 года, то при нынешних темпах роста Китая и сокращения торговли с ЕС можно ожидать, что разрыв между двумя главными торговыми партнерами России сократится с примерно трех-четырёхкратного до примерно двукратного.

Такая динамика изменений означает, что по крайней мере до середины, а возможно, и конца 2020-х годов едва ли следует опасаться излишне тесных экономических связей России с Китаем, которые угрожали бы устойчивости российской экономики и самостоятельности российской политики. Тем не менее меры по предотвращению подобного сценария должны предприниматься уже сейчас — иначе вместо тотальной зависимости от одного стагнирующего рынка (западноевропейского) Россия окажется в зависимости от другого, китайского.

На Китай приходится около половины общего объема торговли России со странами АТЭС, и российское руководство вполне осознает риск чрезмерной зависимости от Китая в решающий начальный период своей интеграции в экономику Азиатско-Тихоокеанского региона. В декабре 2014 года, в разгар российского экономического кризиса и падения рубля, министр иностранных дел КНР Ван И заявил о готовности Китая предоставить России экономическую помощь. Китайский эксперт, близкий к правительству, сообщил мне, что соответствующее предложение было сделано российской стороне по официальным каналам, но было отклонено. Вероятным объяснением является опасение, что, связав себя обязательствами по отношению к Китаю, Россия может потерять свободу действий при заключении новых крупных сделок.

Возникающая зависимость на первый взгляд носит асимметричный характер. Если на Китай уже приходится около 13% российской внешней торговли, то России даже до падения цен на нефть редко удавалось подняться выше 2% китайской. В то же время Россия постепенно увеличивает свою роль на рынках отдельных стратегически важных для Китая видов сырья, прежде всего нефти и нефтепродуктов, цветных металлов, руд, угля, древесины и продуктов ее переработки,

отдельных видов продовольственной продукции, что позволяет ей сохранить определенные рычаги влияния на китайских партнеров. В отдельные месяцы 2015 года Россия уже выходила на первое место по объемам поставок нефти в Китай и по итогам первого полугодия 2016-го оказалась вторым поставщиком нефти в Китай после Саудовской Аравии; при этом разрыв между ними был минимальным⁷. С вводом в строй новых мощностей по транспортировке нефти российская доля в китайском импорте нефти, видимо, будет расти.

Импорт российского газа в Китай по строящемуся газопроводу “Сила Сибири” должен повысить роль России, однако внутри страны рентабельность данного проекта являлась предметом оживленных споров, поскольку после заключения контракта его условия так и не были полностью раскрыты. Важно учитывать, что поставки газа по данному трубопроводу начнутся не ранее 2020–2021 года⁸, но при этом нельзя исключать, что срок ввода объекта в эксплуатацию может сдвинуться; для подобных крупных проектов изменение сроков — обычное дело. Известно, что по условиям контракта цены на газ “Силы Сибири” привязаны к корзине нефтяных цен, уровень которых на момент начала поставок, а тем более на тридцатилетний срок действия контракта предсказать невозможно. Это создает определенные риски, которые, впрочем, характерны для любого долгосрочного проекта. В то же время с точки зрения государства проект важен, поскольку в любом случае ведет к диверсификации российского экспорта газа и играет важную роль в проектах освоения российского Дальнего Востока. Предполагается, что он позволит газифицировать как минимум Амурскую область, ряд районов Якутии, а в дальнейшем, возможно, Бурятию, Иркутскую область, Забайкальский край⁹.

“Газпром” отказался от китайского предложения предоставить аванс по контракту, опасаясь, что это приведет к снижению цены, но выразил заинтересованность в получении китайского кредита¹⁰. Согласовать условия кредита, однако, не удалось — вероятно, из-за неспособности получить от китайцев приемлемую ставку. В результате проект было решено реализовать на собственные средства. Тем

не менее в марте 2016 года “Газпром” получил от Bank of China кредит в размере 2 млрд евро, что стало крупнейшим кредитом, когда-либо полученным “Газпромом” напрямую от одной кредитной организации, и первым кредитом, полученным от китайского банка¹¹. Выданные контракты на строительство участков трубы общей протяженностью 556 км достались компании “Стройтрансгаз”, основным владельцем которой является близкий к президенту бизнесмен Геннадий Тимченко; наиболее крупный контракт стоимостью 72,2 млрд рублей на 255 км трубы “Газпром” заключил со “Стройтрансгазом” в августе 2016 года, без тендера¹².

В настоящее время ведутся длительные переговоры по перспективному газопроводу “Сила Сибири-2”, который должен пройти через западный участок российско-китайской границы. Переговоры продвигаются с трудом ввиду того, что на запад Китая уже осуществляются поставки дешевого центральноазиатского газа. В то же время российские чиновники в личных беседах демонстрируют уверенность в том, что данный контракт все же будет заключен. С их точки зрения, тяжелый экологический кризис в Китае и необходимость срочного сокращения доли угольных теплоэлектростанций в структуре генерирующих мощностей не оставляют Пекину иного выбора, кроме резкого наращивания импорта газа.

В перспективе нельзя исключать и существенного роста поставок в Китай российской сельскохозяйственной продукции и продовольствия, в частности зерна, сои, молочных продуктов, рыбы, мяса, кондитерских изделий. Заметный рост поставок сельхозпродукции в КНР — правда, с весьма низкой базы — был отмечен еще в ходе 2015 и первых месяцев 2016 года. Министр сельского хозяйства России Александр Ткачев во время визита в Китай в мае 2016 года заявил, что в 2015 году объем экспорта продовольствия в КНР превысил \$3 млрд, при этом экспорт кукурузы и сои вырос в восемь раз, а подсолнечного масла — в четыре раза¹³. Для расширения экспорта российское правительство активизирует переговоры с китайской стороной о согласовании соответствующих технических стандартов. В

процессе обсуждения находится создание совместного фонда сельскохозяйственных инвестиций на Дальнем Востоке.

С одной стороны, расширение этих видов торговли с Россией обеспечит Китай безопасными источниками стратегически важной продукции по континентальным маршрутам, защищенным от любых возможных западных санкций или военного давления. С другой — укрепление роли России как важного поставщика сразу нескольких видов стратегически важных сырьевых товаров позволит обеспечить необходимый уровень взаимной зависимости, даже несмотря на различия в размерах экономик двух стран.

Россия постепенно меняет свои подходы к китайскому экономическому присутствию в стратегически важных отраслях своей экономики. На протяжении длительного времени российские власти считали крупные китайские инвестиции в нефтегазовые активы в целом нежелательными: специфическое положение ведущих китайских нефтяных компаний, таких как CNPC, которые фактически являются продолжением государственного аппарата, создает политических риски, связанные с коммерческими разногласиями при осуществлении совместных проектов. Однако углубляющаяся изоляция со стороны Запада побудила Россию изменить свой подход. Уже в сентябре 2014 года глава “Роснефти” Игорь Сечин заявил, что пакет акций Ванкорского газового месторождения может быть продан китайцам. Последовавшие переговоры “Роснефти” и китайской CNPC так и не привели к успеху (первой 15% акций Ванкора приобрела индийская госкомпания ONGC), но попытки привлечь в проект китайского инвестора продолжались. В дальнейшем CNPC с двадцатипроцентной долей вошла в проект по добыче и сжижению природного газа “Ямал-СПГ”. Китай также предоставил кредит в размере \$12 млрд на реализацию проекта и взял на себя обязательства по поставкам оборудования для сжижения газа, которые начались в апреле 2016 года¹⁴. Предполагается, что китайская CNPC совместно с индийской нефтяной госкомпанией ONGC примет участие в приватизации 19,5% пакета акций “Роснефти”.

Опыт показывает, что, если политическое

руководство двух стран принимает решение о целесообразности проекта, рано или поздно он будет осуществлен: примерами могут служить переговоры о газопроводе “Сила Сибири” и, ранее, о нефтепроводе “Восточная Сибирь — Тихий Океан”. Поскольку решение о сотрудничестве принято на уровне высшего руководства двух стран, российские и китайские нефтегазовые госкомпании исходят из того, что проект является безальтернативным для обоих партнеров; задача состоит в выбивании максимально выгодных условий, обычно путем ведения изматывающих переговоров, выкручивания рук и игры на нервах. Расчет состоит в том, что политическое руководство партнера заинтересовано в “прорыве”, бесконечное затягивание приведет к росту политического давления на нефтегазовую компанию и в результате можно надеяться на уступки.

До политического кризиса на Украине Россия предпринимала активные усилия по развитию отношений с другими крупными странами региона — с Южной Кореей и особенно с Японией с целью диверсификации внешних связей на Дальнем Востоке, но эти действия не привели к успеху из-за введения западных санкций против России. Хотя Япония присоединилась к санкциям лишь частично, а Южная Корея формально их не поддержала, страх местных компаний перед возросшими рисками работы в России и американское давление на их правительства сыграли негативную роль в развитии сотрудничества.

Однако в 2016 году российско-японские отношения активизировались. По итогам майской встречи Владимира Путина и японского премьера Синдзо Абэ в Сочи стороны заявили о неких новых подходах к заключению мирного договора и решению территориальной проблемы, которые, правда, не раскрывались. Во Владивостоке в сентябре в ходе Восточного экономического форума состоялась еще одна встреча между лидерами двух стран, за которой должен последовать визит Путина в Японию. Если подобные позитивные тенденции сохранятся и российско-японские отношения в сфере и политики будут развиваться, это позволит отчасти уравновесить переко-

сторону Китая в российской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

Другим важным направлением российской политики в Азии является создание многосторонних зон свободной торговли между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и странами АТР. К настоящему времени такая зона создана между ЕАЭС и Вьетнамом, ведутся переговоры с рядом других государств Юго-Восточной Азии; обсуждается проект создания зоны свободной торговли со странами АСЕАН, а также с Индией. Одновременно ведутся переговоры о заключении торгового соглашения между Китаем и ЕАЭС. Таким образом, и здесь российские власти предпринимают попытки расширить внешние связи со всеми важными азиатскими экономиками, стремясь при этом к максимальной диверсификации. От результатов этих усилий будет зависеть то, в какой мере Россия сможет обеспечить себе выгодные позиции для проведения эффективной и самостоятельной политики в Азии.

На фоне объявленной китайцами инициативы о создании Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) в мае 2015 года во время визита Си Цзиньпина в Россию было подписано Совместное заявление о “сопряжении” ЭПШП и ЕАЭС. Однако за прошедший год стороны мало продвинулись в данном вопросе. Достижениями в работе по сопряжению в этот период можно считать только согласование в рамках ЕАЭС переговорной позиции по упомянутому выше торговому соглашению с Китаем.

Декларация о сопряжении предусматривает, что площадкой для взаимодействия ЕАЭС и Китая в Центральной Азии (в частности, для реализации проекта сопряжения) будет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), но подобная перспектива вызывает сомнения и у российских, и у китайских специалистов, особенно с учетом происходящего расширения ШОС¹⁵. По всей видимости, ШОС будет оставаться в первую очередь форумом для обсуждения проблем безопасности в Центральной Азии, а ее роль в экономическом взаимодействии будет ограничена.

Говорить о полноценной экономической конкуренции России и Китая в Центральной

Азии в настоящее время сложно, поскольку Россия не имеет никаких ресурсов для соперничества с КНР в приоритетных для Китая областях, а Китай пока не проявляет интереса к тем сферам, где сильны позиции России. Россия не является важным рынком сырья для стран Центральной Азии, а ее заинтересованность в транзите центральноазиатского сырья в Европу в нынешних условиях не слишком велика. Российские компании также не располагают ресурсами для крупных инвестиций в проекты по добыче полезных ископаемых в Центральной Азии.

С другой стороны, Россия является основным рынком труда для мигрантов из стран Центральной Азии, сохраняет ведущие позиции на центральноазиатском пространстве в сфере образования и культуры, является важным экспортером в регион ряда продовольственных и промышленных товаров и по-прежнему играет ключевую роль в региональной безопасности. Страны Центральной Азии традиционно проводят политику балансирования между великими державами, и в обозримом будущем эта политика не изменится.

Политическое взаимодействие

СССР и Китай ставили перед собой задачу нормализации отношений к 1989 году. Стороны добились прогресса в решении застарелой территориальной проблемы: уже в 1991 году им удалось согласовать границу двух стран почти на всей ее протяженности. СССР предоставил КНР широчайший доступ к новинкам своей оборонной промышленности, и в 1990 году Китай стал первым зарубежным заказчиком наиболее совершенного советского истребителя Су-27. Как говорилось выше, после распада СССР Россия в значительной степени продолжала ту политику на китайском направлении, которую она унаследовала от Советского Союза.

В январе 1992 года во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке первый президент России Борис Ельцин встретился с премьером Госсовета КНР Ли Пэнгом, и стороны подтвердили верность предыду-

щим обязательствам. Россия исполнила контрактные обязательства СССР по поставкам оружия в Китай. В том же году был учрежден ряд двусторонних комиссий и подкомиссий (в частности, по военно-техническому сотрудничеству), которые до сих пор играют важную роль в развитии российско-китайских отношений. Россия и Китай проводили меры по укреплению доверия в военной сфере и вели консультации по взаимным сокращениям войск. В 1994 году руководители двух стран сделали заявление о взаимном ненацеливании ядерного оружия.

Военно-техническое сотрудничество России и Китая было ключевым компонентом двусторонних отношений в 1990-е и в начале 2000-х годов. В этот период Россия, по сути, осуществила передачу Китаю значительной части военно-технологического потенциала, обеспечивавшего ей статус великой военной державы. Сотрудничество затрагивало практически все значимые сферы производства обычных вооружений и позволило КНР осуществить впечатляющий рывок в военном строительстве. Одновременно это сотрудничество было средством выживания для российского военно-промышленного комплекса. В отдельные периоды в начале 2000-х на Китай приходилось до половины всех поставок российского оружия за рубеж, при этом для собственной армии Россия не производила крупных закупок обычных вооружений вплоть до 2008–2009 годов. Пик российского военного экспорта в Китай был достигнут в 2002 году и составил \$2,7 млрд. К середине 2000-х годов масштаб сотрудничества стал снижаться. Рост двустороннего военно-технического сотрудничества возобновился после 2010 года, но его характер изменился. Вместо готовых систем оружия Россия стала поставлять Китаю важные агрегаты (например, авиационные двигатели) и выступать в качестве подрядчика при выполнении отдельных важных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в рамках более крупных китайских проектов. Поставки готовых систем вооружений продолжают и сейчас, хотя и носят ограниченный характер — к ним можно отнести заключенные в 2014 и 2015 годах контракты на поставку зе-

нитных ракетных комплексов С-400 и истребителей Су-35. Государственная компания “Рособоронэкспорт” не публикует ежегодные данные об экспорте российского оружия в Китай, но на основании цифр, которые периодически приводятся в заявлениях руководства, объем экспорта можно оценить примерно в \$1,5–2 млрд. По сравнению с энергетикой военно-техническое сотрудничество играет второстепенную роль в структуре нынешних российско-китайских отношений, но оно продолжает развиваться, способствуя укреплению взаимного доверия в сфере безопасности.

Отказ России от односторонней ориентации на сотрудничество с Западом, уход Андрея Козырева с поста министра иностранных дел России и приход на эту должность в середине 90-х Евгения Примакова обозначили ключевой поворот в российско-китайских отношениях. Целью России стало движение к новому, многополярному мировому порядку и диверсификации внешних связей. Декларация, подписанная Ельциным во время визита в Китай в апреле 1996 года, говорила о решимости развивать отношения “равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке” и о том, что стороны “выступают за установление нового международного экономического порядка на основе справедливости, равенства и взаимовыгодного сотрудничества, отказа от дискриминации в мировой торговле”. Этот документ уделял большое внимание закреплению единых подходов к мировой политике: подтверждал важную роль ООН и подчеркивал недопустимость “двойных стандартов” при проведении миротворческих операций¹⁶. В тот период особую обеспокоенность правительств России и Китая вызывала возможность осуществления США и их союзниками миротворческих операций на основе односторонних решений, вне процедур, предусмотренных уставом ООН.

Тогда же Россия и Китай решили добиваться решения оставшихся несогласованными пограничных вопросов.

В 1997 году КНР и четыре граничащие с ней бывшие советские республики (Россия, Казахстан, Киргизия и Узбекистан) заключили соглашение о сокращении вооруженных сил в

районе границы, которое устанавливало предельные уровни численности войск и оружия в стокилометровой приграничной полосе, а также правила взаимного оповещения о перемещениях войск и военных учениях; кроме того, соглашение включает в себя механизм взаимных инспекций. Его реализация является примером успешной поэтапной демилитаризации границы двух крупных стран, в свое время переживших длительный период противостояния, которое временами сопровождалось вспышками вооруженного насилия.

Во второй половине 1990-х все большее место в российско-китайском взаимодействии стали занимать защита центральной роли ООН в мировых делах и противодействие западной политике “гуманитарных интервенций”, в котором Россия и Китай пытались взять на себя роль выразителей интересов развивающихся стран в отношениях с Западом.

Взаимодействие с Россией исключительно важно для Пекина в связи с тем, что с конца 1980-ых годов Китай проводил пассивную внешнюю политику, кратко сформулированную в знаменитой формуле Дэн Сяопина “таогуан янхуэй” (держаться в тени, не проявлять себя). Целью КНР было избегать вовлеченности в мировые проблемы, которые способны привести к конфликту с Западом, выигрывая таким образом время для экономического развития и модернизации. Предполагалось, что в более отдаленной перспективе в результате роста экономических и военных возможностей страны ее роль в мировых делах возрастет и Китай сможет добиться признания своих интересов мировыми державами. Тем не менее, пока этот момент не наступил, Китай нуждается в защите своего суверенитета и территориальной целостности.

Китай с подозрением относился к односторонним американским действиям в военно-политической сфере, опасался американского вмешательства в свои внутренние дела и попыток подрыва своего режима извне. Сложилась специфическая модель взаимодействия Китая с Россией на международной арене, при которой Москва выступала основным оппонентом Запада по тем или иным мировым проблемам, а Китай уклонялся от

выражения собственной позиции, ограничиваясь общей поддержкой российской линии. Эта модель сохранялась даже в случаях, когда интересы Китая были затронуты в большей мере, чем интересы России. Например, с экономической точки зрения снятие санкций с саддамовского Ирака и предотвращение новых мер давления на него для КНР было явно важнее, чем для России, но работу над этим в 1990-е — начале 2000-х годов вела прежде всего Москва, а Пекин ограничивался выражением общей поддержки.

В ходе подготовки соглашения по иранской ядерной проблеме в 2013–2015 годах Москва также играла ведущую роль, в то время как Китай держался незаметно — при том, что товарооборот КНР и Ирана превышает российско-иранскую торговлю в несколько раз (благодаря снятию санкций Пекин и Тегеран планируют довести его до \$200 млрд в год уже в начале следующего десятилетия). В ходе сирийского кризиса Китай поддерживает правительство Башара Асада, предоставляя ему кредиты и гуманитарную помощь, а также осуществляя ограниченные поставки военного снаряжения. При этом Китай высказывал полное согласие с Россией в том, что касается поддержки официального Дамаска, однако сам при этом предпочитал держаться в тени. КНР, как и Россия, сталкивалась с проблемой миграции из Китая в Сирию сторонников радикальных исламских взглядов: китайские власти отмечали присутствие в Сирии организованных групп боевиков из Синцзян-Уйгурского автономного района КНР и высказывали опасения, связанные с их возвращением в страну.

И Россия, и Китай восприняли операцию НАТО против Югославии в 1999 году как наглядное подтверждение реальности угрозы со стороны США. Удар американской авиации по китайскому посольству в Белграде 7 мая 1999 года, точные обстоятельства которого едва ли станут известны в обозримом будущем, по твердому убеждению китайцев, был преднамеренным, в том числе и потому, что разрушено было именно то крыло посольства, которое использовалось резидентурой китайской военной разведки. Югославский кризис привел к существенной корректировке про-

цессов военного строительства и в Китае, и в России: Китай ускорил осуществление проектов по модернизации вооруженных сил, а Россия стала уделять больше внимания развитию ядерного потенциала и пересматривать подход к отношениям с НАТО.

Зависимость Китая от взаимодействия с Россией и отсутствие готовности самостоятельно защищать собственные, значительно возросшие в последние годы, внешнеэкономические интересы (только в 2015 году прямые инвестиции КНР за рубеж составили \$118 млрд¹⁷), наглядно продемонстрировал ливийский кризис 2011 года.

И Россия, и Китай активно развивали связи с правительством Муаммара Каддафи, но если для России речь шла о развитии инфраструктуры и нескольких относительно небольших проектах в сфере военно-технического сотрудничества, то китайские строительные компании на момент начала ливийской гражданской войны имели на руках контракты на общую сумму \$18,8 млрд¹⁸. В стране работало 35 тыс. китайских граждан, Ливия была крупным рынком для китайской промышленной продукции. Отказ России заблокировать резолюцию Совета Безопасности ООН 1973 года открыл путь для военной интервенции стран НАТО в ливийский конфликт с последующим разрушением ливийского государства. Такой исход привел к ограниченным экономическим потерям для России, но для КНР убытки, с учетом упущенной выгоды, вероятно, исчислялись десятками миллиардов долларов; китайская колония была эвакуирована из Ливии почти целиком.

В последние годы в Китае идет дискуссия о целесообразности продолжения старой, пассивной внешней политики, и она уже привела к ряду важных изменений. Китай все активнее высказывается по международной повестке дня, превратился в ведущего участника международных миротворческих операций под флагом ООН. В настоящее время в миротворческие операции ООН вовлечены более 2600 китайских военных и полицейских, что превышает суммарный контингент всех остальных постоянных членов СБ ООН¹⁹. Китай обзавелся первым постоянно действующим военным объектом за рубе-

жом — пунктом снабжения военно-морского флота в Джибути. Хотя партия сторонников пассивной внешней политики и уклонения от конфронтации с Западом весьма влиятельна, судя по всему, их позиции слабеют. Однако выход Китая на арену большой мировой политики происходит постепенно, и китайцы по-прежнему сохраняют заинтересованность в российской поддержке и российском опыте.

Сдержанная позиция Китая в ходе кризиса 2008 года в Грузии и 2014-го на Украине, как и отказ Москвы от однозначной поддержки Китая в обострившейся в 2016 году проблеме Южно-Китайского моря, не должны вводить в заблуждение относительно сути российско-китайских отношений. В проблеме Южно-Китайского моря Россия всеми силами стремится избежать необходимости сделать выбор между сотрудничеством с Китаем и со странами АСЕАН, прежде всего — с Вьетнамом. Поэтому российские власти не артикулируют свою позицию как по существу территориального спора, так и по вопросу о статусе опубликованного в июле 2016-го решения международного арбитража по иску Филиппин к Китаю (арбитраж решил дело в пользу Филиппин). В то же время в вопросе о формате дальнейшего урегулирования проблемы Россия заняла позицию, выгодную КНР. Москва выступает за двусторонние переговоры заинтересованных сторон, против вмешательства в споры в Южно-Китайском море “внерегionalных сил”²⁰. Россия прямо осудила “патрулирование с целью обеспечения свободы судоходства”, которое проводил в данном районе американский флот, заявив, что оно ведет к росту напряженности. Наконец, в июле 2016 года министерство обороны КНР заявило, что Россия согласилась провести в сентябре совместные военно-морские учения в Южно-Китайском море²¹.

Китай придерживается схожей модели поведения в конфликтах с участием России.

Например, Китай, для которого важнейшим вопросом является право на Тайвань, не мог поддержать присоединение Крыма, поскольку оно опирается на самоопределение территорий на основе референдума (на Тайване подобную инициативу продвигала Демократическая Прогрессивная Партия).

Тем не менее Китай последовательно выступал против осуждения России, а китайские компании поддерживают экономические связи и с Абхазией, и с Крымом. Несмотря на неоднократные протесты грузинского посольства, в Пекине работает почетный консул Абхазии, оформляющий китайцам документы для посещения республики. Китайские компании сыграли важнейшую роль в строительстве так называемого “энергетического моста” между Крымом и основной территорией России. Именно Китай поставил России специальный подводный кабель большой мощности для поставок электроэнергии в Крым (такой кабель не производится в России, а его закупки в ЕС и США были, по очевидным причинам, невозможны), при этом укладку кабеля проводило китайское судно. По сути, подводная часть этого жизненно важного объекта, обеспечившего устойчивый российский контроль над полуостровом, была построена китайцами.

К настоящему времени между Россией и Китаем создан целый набор постоянно действующих механизмов координации и обмена данными в таких сферах, как внешняя политика, оборона, борьба с терроризмом, правоохранительная деятельность, макроэкономическая политика, финансы, информационная безопасность и инновации. Специальное соглашение о сотрудничестве связывает администрацию российского президента и канцелярию ЦК Китайской компартии. Такие контакты дополняются многолетними целенаправленными усилиями по повышению оперативной совместимости вооруженных сил. С 2005 года две страны проводят ежегодные крупные военные учения, при этом число этих учений, их сложность и масштабы с каждым годом растут, они охватывают все более чувствительные сферы, включая противоракетную оборону. Две страны все пристальнее приглядываются друг к другу, перенимая друг у друга элементы политики и некоторые реформы. Например, масштабная российская военная реформа 2009–2010 годов послужила одним из главных источников вдохновения для большой китайской военной реформы, запущенной в 2015 году. На данном этапе стороны не настроены говорить о союзе; демон-

стративное движение в этом направлении имело бы тяжелые последствия для их внешней политики. Россия потеряла бы возможность вести борьбу с расширением НАТО, а Китай уже не смог бы тогда возражать против роста военного присутствия США в Восточной Азии. И Москва, и Пекин годами строили свою аргументацию против НАТО и союзов США в Азии на том, что военные союзы в принципе являются реликтами холодной войны и самим фактом своего существования ведут к росту напряженности. Формальный российско-китайский союз привел бы к дискредитации всей прошлой риторики; по существу, обе страны лишили бы себя аргументов против наращивания военного присутствия США у своих границ.

Тем не менее двусторонние отношения уже выходят за рамки обычного “добрососедства” или даже “стратегического партнерства” и несут в себе черты союза. Причем речь идет не об идеологическом союзе времен второй половины XX века, а о старомодном союзе великих держав XIX — начала XX веков, с негласными соглашениями и договоренностями и сохранением существенных элементов соперничества и конкуренции в отдельных областях.

Насколько далеко зайдут эти процессы в российско-китайских отношениях, будет во многом зависеть от процессов трансформации российского и китайского обществ, усиления в них националистических и антизападных настроений и принципиальной позиции, которую обе страны займут по отношению к нынешней модели глобализации, построенной на доминировании Запада. Речь идет о выборе между борьбой за достойное место в западной модели глобализации путем ее поэтапного изменения либо о противостоянии этой модели и попытках предложить собственную альтернативу. В первом случае две страны будут оставаться друг для друга весьма важными, но в целом тактическими партнерами, а во втором — будут вынуждены двигаться к тесному союзу. Ни Китай, ни Россия еще не сделали окончательный выбор в пользу того или иного варианта, а потому в российско-китайских отношениях сохраняется стратегическая неопределенность.

Примечания

- 1 *Statistics of FDI in China in January-December 2015* // Ministry of commerce People's Republic of China. 2016. January 22nd. URL: <http://english.mofcom.gov.cn/article/statistic/foreigninvestme nt/201602/20160201260821.shtml> (доступ 29.08.2016).
- 2 商务部合作司负责人谈2015年我国对外投资合作情况 // Ministry of commerce People's Republic of China. 2016. January 15th. URL: <http://www.mofcom.gov.cn/article/ae/ ai/201601/20160101235603.sht> (доступ 29.08.2016).
- 3 *Статистика внешнего сектора* // Центральный Банк Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=svs> (доступ 29.08.2016).
- 4 *Интерскол: Кто производит инструменты Интерскол?* // Интерскол. Российский электроинструмент. Форум. URL: <http://www.interskol.ru/forum/comments.php?DiscussionID=3851> (доступ 29.08.2016).
- 5 Рожков А. "Глория джинс" переносит производство и штаб-квартиру в Азию // Ведомости. 2014. 15 октября. URL: <http://www.vedomosti.ru/business/articles/2014/10/15/krupnejshij- otechestvennyj-ritelejr- gloriya-dzhins-perenosit> (доступ 29.08.2016).
- 6 В 2014 году торговля с Китаем выросла на 6,8% и достигла \$95,3 млрд, а в 2015 упала на 28,6% — до 68 млрд. Внешне-торговый оборот России в 2015 году упал на 33,2% до \$530,4 млрд.
- 7 *Саудиты обогнали Россию по поставкам нефти в Китай* // Вести. Экономика. 2016. 25 июля. URL: <http://www.vestifinance. ru/articles/73277> (доступ 29.08.2016).
- 8 *Поставки газа по "Силе Сибири" начнут в 2020–2021 годах* // Вести. Экономика, 2016. 21 апреля. URL: <http://www. vestifinance.ru/articles/70092> (доступ 29.08.2016).
- 9 *Газификация Бурятии под большим вопросом* // БМК. 2016. 15 июля. URL: <http://www.baikal-media.ru/news/business/325386/> (доступ 29.08.2016).
- 10 Салина Т. "Силу Сибири" построят без аванса КНР // Век. 2014. 10 ноября. URL: <https://wek.ru/silu-sibiri-postroyat-bez- kitajskogo-avansa> (доступ 29.08.2016).
- 11 *Bank of China предоставит "Газпрому" кредит в размере 2 млрд евро* // Газпром. 2016. 3 марта. URL: <http://www.gazprom. ru/press/news/2016/march/article268254/> (доступ 29.08.2016).
- 12 Подобедова Л. "Газпром" без контракта отдал контракт по "Силе Сибири" на 72 млрд руб. // РБК. 2016. 10 августа. URL: <http://www.rbc.ru/business/10/08/2016/57ab210b9a79473d2b03b9a7> (доступ 29.08.2016).
- 13 *Товарооборот сельхозпродукции между РФ и КНР в 2015 году достиг 3 млрд* — А.Ткачев // CCTV.com Русский. 2016. 5 марта. URL: <http://russian.cctv.com/2016/05/03/ ARTIsVNN2VQFFAyAmfQ3rfNS160503.shtml>
- 14 *Китай начал поставку оборудования для "Ямал СПГ"* // Вести. Экономика. 2016. 27 апреля. URL: <http://www.vestifinance. ru/articles/70306> (доступ 29.08.2016).
- 15 На саммите ШОС в Ташкенте в июле 2016 года был начат процесс вступления в организацию двух новых членов — Индии и Пакистана. Хотя на завершение этого процесса может уйти значительное время (учитывая необходимость ратификации соответствующих договоренностей парламентами всех стран-членов), различия между Индией и Китаем по вопросам безопасности и торговой политики могут усложнить взаимодействие. Среди "старых" членов ШОС традиционно скептическую позицию по отношению к новым интеграционным проектам занимает Узбекистан.
- 16 *Совместная китайско-российская декларация. 1996. 28 апреля* // Китайский информационный центр. URL: <http://russian. cri.cn/1143/2013/03/19/1s461458.htm> (доступ 29.08.2016).
- 17 YINGQUN C. *All the world's Chinese investment stage* // China Daily. 2016. February 2nd. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/ epaper/2016-02/01/content_23341121.htm (доступ 29.08.2016).
- 18 [OS] CHINA/LIBYA/RUSSIA/GV — *China may facilitate Libyan peacemaking to protect investments* — Russian paper // WikiLeaks. 2012. October 17th. URL: https://wikileaks.org/gifiles/ docs/33/3331856_-os-china-libya-russia-gv-china-may-facilitate- libyan.html (доступ 29.08.2016).
- 19 *Troop and police contributors* // United Nations Peacekeeping. URL: <http://www.un.org/en/peacekeeping/resources/ statistics/contributors.shtml> (доступ 29.08.2016).
- 20 См. заявление представителя МИД Марии Захаровой (Россия отказалась втягиваться в спор за Южно-Китайское море // Lenta.ru. 2016. 14 июля. URL: https://lenta.ru/ news/2016/07/14/without_us_please/ (доступ 29.08.2016)).
- 21 *China says to hold drills with Russia in South China Sea* // Reuters. 2016. July 28th. URL: <http://www.reuters.com/article/us- southchinasea-china-drills-idUSKCN108008> (доступ 29.08.2016).